На Настену Семка засматривался еще с той весны. И что в ней такого было? Росту не сильно высокого. Статная, русая, глаза серые. Коса — ладонью как раз охватишь. Да мало ли таких? Или день такой выдался? Как раз снег стал сходить. Шел Семка кривой, узкой улицей вщижского посада, ноги скользили и разъезжались на ледяной корке, плотницкий инструмент норовил съехать с плеча. Вот тут и увидел, как из-за края обрыва возникает девичья фигура — лицо, обрамленное плотно увязанным платом, плечи, охваченные коромыслом, на котором, как крылья, раскинулись руки, поддерживающие дужки деревянных бадеек, стан в серой свитке… Идет плавно, словно плывет, навстречу ручейкам талой воды — и хоть бы плеснулась вода в бадейках, налитая полно, доверху. Только солнечные зайчики резвились на поверхности чистой, студеной речной воды. Знать, один такой шаловливый зайчик и вспрыгнул, оттолкнувшись от водной глади, да и угодил Семке прямо в очи. Ослеп на миг, застыл с открытым ртом парень… А она — хоть бы что, лишь повела в его сторону серым взглядом, чистым, как речная вода, да проплыла мимо…

После, уже в лето, возвращаясь с работ, увидал ее на крылечке терема — сверкал над городом полновесный летний ливень, со свеса кровли вода бежала, как из носика рукомойника, если наклонить его посильнее, и Настена, смеясь, подставляла белые ладони, плескала в лицо. Знала, что с грозовой воды краса ее не увянет никогда.

А работы в то лето выдалось много — воевода торопил с починкой стен детинца. Грозные вести, как раскаты неведомой, небывалой грозы, доносились с юга, из степей. Не печенеги, не половцы, которых не раз воевали славяне,— накатывались из неоглядных степей орды татарские, и не было им, как и степям, их породившим, ни конца,

ни краю. Вел их Бату-каан, Батыга — хан по-русски. Чего ждать от него, никому не ведомо. Да Семка об этом не больно задумывался.

Его дело — махать топором, играть теслом да скобелем, орудовать стругом, ладить рядком тяжеленные дубовые бревна, чтоб стоял детинец вечно.

Сказывают, татары эти самые на низеньких косматых лошадках скачут. Разве лошадка татарская на такую стену запрыгнет? Или сам татарин? Тоже, видать, не богатырь ростом. Семка усмехался про себя, глядя вниз с высоты городской стены. Свежий, пахнущий сосновой смолой ветер, налетая, трепал густые, с рыжиной, семкины кудри, светло-карие глаза вспыхивали огнем. Гора крутая, высокая над Десной светлой — ни кустика, ни деревца на ней, попробуй взберись, да еще саженей на пять крепостная стена, да еще выше — угловые вежи! Сила неодолимая!

Мастер-городник самолично присматривал за работами, наставлял, как ладить срубы, ставить их впритык друг к другу, чтобы прясла выходили ровными и мощными, как заполнять их камнями и землей изнутри и снаружи, как возводить вежи, чтобы выступали за стену, чтоб удобно с них было бить ворога через бойницы — стрельницы. А сверху еще надо и кровлю соорудить — и над башнями, и над стенами — и воинов защитит, и саму стену от дождя и града, от сырости и гнили.

Порой взглянуть на работы приезжал на высоком, сером в яблоках жеребце сам князь. Хмурясь озабоченно, взбегал по шаткой лестнице на стену, взглядывал вдаль, кидал взгляд вниз, к подножию горы, трогал рукой дубовые, плотно пригнанные плахи — и лицо светлело, кивал головой, говорил о чем-то с городником, вспрыгивал на коня — только пыль вихрилась под копытами. «Ну, куда там татарам с их лошаденками!» — думалось Семке.

Когда ладил Семка с другими работниками крышу той вежи, что стояла прямо над деснянским обрывом, не часто отрывал взгляд от своего топора — и дело не ждало и, главное, когда вглядывался в задесенье, дыханье замирало у него в груди, а за спиной будто крылья вырастали. И вот словно не на башне сидит Семка, а летит, летит над сияющими речными разливами, над озером, над золотоствольным сосновым бором на дальнем, невысоком песчаном берегу и дальше, дальше в безбрежную синь лесную… Не для полетов позвал его на стену мастер-городник, отец Настены.

Только к исходу зимы насмелился Семка поговорить с мастером о Настене. Тот не сказал ни да, ни нет, пригладил бороду, усмехаясь чему-то: «Там видно будет». И с той поры исподволь, но пристально приглядывался к Семке — работник хороший. Дело так и горит в руках, да молод, незнатен. Семья небогатая. Да и не к спеху. Настене всего шестнадцать. Там видно будет.

Ну и увидели по весне… Как раз перед ледоходом, когда ждал пробудившийся от сурового зимнего сна город разлива реки, подхлынули под самые городские стены воды черные, безбрежные, батыева орда. И была их тьма-тьмущая. Лошаденки ровно такие, о каких говорила молва — низенькие и косматые, да не знала молва и знать не могла, что на тех лошаденках привезут с собой татары стенобитные машины — пороки, и будут тяжелые каменья-валуны бить с размаху в плотно спряженные стены детинца, и дрогнут вечные стены. На стенах сражались все. И воины княжеской дружины — священными мечами, и посадские — с луками и стрелами, с засапожными ножами, с косами, насаженными вдоль древка, с рогатинами.

Вщиж продержался седмицу. На восьмой день ворвались в детинец озверелые вконец от упорного сопротивления жителей орды, и в рукопашной резне погибло все население богатого торгового города, данника далекого стольного Киева-града. Как это все случилось, Семка не видел. Был он на стене у самых ворот городских, и один из первых ворвавшихся ворогов огрел его по голове татарским шокпаром — померк свет в глазах, и подумать ничего не успел. Да и не думается ничего воину в разгар жестокой сечи…

Очнулся Семка от нестерпимого жара. Вначале пришла мысль неожиданная: «Неужто так много успел нагрешить за жизнь свою короткую, что прямиком в ад угодил?» Приоткрыл глаза — и не понял, на земле он или в преисподней.

Лежал-то на земле, только не сырой, а горячей, и справа и слева, и вверху — сплошные стены огня. Тогда вспомнил — татары! Где же они? Отбились!?

Горел детинец несокрушимый, и огненной стеной преграждал ворогам путь дальше, во глубину русской земли. А по обе стороны детинца огненные крылья раскинул горящий посад — как богатырь, пораженный в самое сердце, раскинул могучие руки — не пущу! Убитый, горящий — не пущу!

Вторая мысль семкина была — Настена. Найти! Живую или сраженную, но найти. Семке показалось, что он резво вскочил с каляной земли, на самом деле встал медленно, шатаясь, держась обеими руками за разбитую голову, где кровь запеклась на опаленных кудрях.

Кажется, видел, еще, как на стене стоял — мелькал где-то поблизости ее синий сарафан. И точно — вот она, чуть виднеется подол из-под тел — своих и татарских. Откуда сила взялась — отвалил всех, подхватил на руки — и прочь из детинца, через горящие ворота, локтем прикрывая лицо, чтоб только глаза не повредило. Вырвался наружу — и осел на землю у крепостного рва. Недостало сил. Опустил Настену на свои колени, правой рукой нашарил кем-то брошенную рогатину — защищаться до последнего, пока мочи хватит. Взглянул — и застыл, с рогатиной в деснице, другой рукой прижимая к себе Настену.

Орда утекала прочь. Черные волны отхлынули от разоренного города, в котором не осталось тех, кого можно взять в полон и не осталось ничего, что можно унести с собой.

От горящей стены детинца до речного обрыва, на месте посада лежало мертвое поле, вытоптанное копытами, изрытое пороками, усеянное черепками, разбитыми плинфами, обломками дерева, стрелами, обрывками одежды. Заваленное убитыми, вперемешку защитниками и нападавшими. Рыжее от впитавшейся крови.

А снизу, с реки, слышался сквозь рев и треск пламени грохот льдин тронувшейся наконец Десны. И затопил разлив пространство до самого горизонта, ибо деснянские воды сливались с водами озера Бечина, и не было воде ни конца, ни краю. И вся орда татарская была малой щепоткой соли, растворившейся бы в этой стихии без следа.

Это все Семка осознал потом, а пока все смотрел вслед утекающей орде бездумно, крепко прижимая к себе Настену и даже не ведая, жива ли она. Вдруг почувствовал — будто шевельнулась. Посмотрел — а она голову извернула, как могла, и тоже глядит вслед орде. С высоты крепостного вала получается, вроде как сверху вниз глядит. Огнем полыхнула радость в семкиной груди. Вскочил, по-прежнему прижимая к себе Настену, и закричал вслед орде, потрясая рогатиной: «А, спужались! А не замай, не замай!».

Сил не стало, опустился на землю и задумался. Надо было копать землянку, выхаживать Настену.

Весна шла. Надо было пахать и сеять.